

Б.И.Коваль

Три ауры харизмы: эстетическая, этическая и эротическая

В статье впервые в политологии рассматривается вопрос о структуре харизматической энергии политического лидерства. В центре внимания — оценка трех магнетических сфер харизмы: эстетической, этической и эротической. На этой основе представлены краткие портреты ряда VIP-персон.

Ключевые слова: харизма, политика, массы, социально-духовная энергия, структура харизматического управления.

«Мы запрягаем Пегаса в плуг. И Пегас хиреет, если только, закусив удила, не понесется вместе с плугом».

П.Тейяр де Шарден. Устойчивый мир. М., 2001, с. 190.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Если непредвзято взглянуть на современную политологию, то ее состояние можно уподобить Пегасу в плуге: его божественные крылья оказываются лишь помехой для налаживания упряжи. Вырвать мысль из привычной борозды, освободиться от узды зазнавшегося рационализма — одна из задач нашего интеллектуального усилия. Вожжи да узда с наглазниками — самое пошлое препятствие на пути творческого мышления. Так я понимаю вынесенное в эпиграф мудрое замечание французского философа и теолога, одного из основоположников теории ноосферы Пьера Тейяра де Шардена. И потому я стараюсь рассуждать, не оглядываясь на традиционные ограды и запреты. В этом есть немалый риск, но, как заметил Блаженный Августин, иногда необходимо делать то, что хочешь, чтобы затем также захотеть того, что действительно необходимо делать.

Борис Иосифович Коваль — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЛА РАН (revistala@mtu-net.ru).

В современную эпоху сплошного техницизма и консумизма чрезвычайно важно смотреть на политику не с абстрактно-теоретических позиций, а с позиций реальной экзистенции человека как человека, а не подчиненного элемента социума.

К числу базовых факторов каждого личного существования относятся не только интеллект и воля, но также вся чувственная энергия, в том числе эстетическая, этическая и эротическая. Обычно считается, что естественная чувственность далеко отстоит от политики и пребывает в сфере узкого индивидуального бытия. Мы констатируем конфликт между разумом и чувством, но боимся признать, что они могут совмещаться и прекрасно сосуществовать друг с другом. Особенно наглядно такая конструктивная синергия присуща именно феномену харизмы¹. Жаль, что современная политология мало интересуется этим аспектом, подчиняя социальное развитие воле кем-то и когда-то установленного исторического предопределения. Теологи Запада признают приоритет за Божьим провидением. Восточные философы говорят о Законах Космоса и кармического перерождения. Атеисты обожают объективные социально-экономические факторы. Во всех случаях, за исключением гуманистического экзистенциализма, человек оказывается в полной и абсолютной зависимости от небесной воли и внешних сил. Нередко он предстает в образе столь малого и слабого существа, что чуть ли вообще не существует. Выдающийся немецкий философ, социолог и экономист Карл Маркс доказывал, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»². В метафизическом смысле это, по-видимому, верно, но в таком определении сквозит явное отрицание уникальности отдельной личности, которая исполняет ничтожную функцию раба при пресловутых базисе и надстройке. Любопытно, относил ли сам Маркс подобную оценку к самому себе?

Мне больше по душе умозаключение русского философа Н.А.Бердяева: «Не личность есть часть общества, а общество есть часть личности. Личность лишь частично принадлежит обществу»³.

Биофизический и духовный субстрат человеческой энергии как бы парит над объективностью, придавая всему творческий характер и устремляющий человечество к свободе и совершенству. Энергия тела и души является единственной движущей пружиной саморазвития человека и общества. Каждый живой организм (даже растение) испускает в пространство частицу своей витальной силы — будь то запах, цвет, звук, вид и т.д. Недаром, например, кобра одним взглядом даже на расстоянии способна обездвигнуть свою жертву. При появлении начальства чиновник вопреки желанию как-то скукоживается и даже уменьшается в размере. Поистине волшебным свойством в этом потоке психоэмоциональных энергий обладает харизма. Вокруг нее образуется особое поле магнетизма — притяжения, приневоления более слабых натур. Тот, кто пытается понять мистическую сущность харизмы, рискует потеряться в ее дебрях, если не поймет, что именно он в ней ищет. Потому я и раздумываю с осторожностью и опаской. В предыдущей статье я напомнил о древнегреческом происхождении самого термина «харизма». Теперь замечу, что в Ветхом Завете пророки Древнего Израиля очень наглядно выразили ее смысл в виде нимба (лат. *nimbus* — облако) над головами и фигурами высших неземных существ, святых и даже царей. Лучезарный венец (ореол, аура) стал служить визуальным знаком божественного света, мудрости и духовного совершенства. Особенно ярко и образно об этом писал пророк Иезекииль.

В минуту озарения он почти воочию увидел божественный нимб над херувимами (второй чин в ангельской иерархии после серафимов). В буре и ветре, в облаке клубящегося огня и сияния появились странные «подобия четырех животных, — таков был вид их: облик был, как у человека, и у каждого четыре лица, и у каждого из них четыре крыла... И руки человеческие были под крыльями...» (Иез. 1,5–7.). «И шли они каждое в ту сторону, которая пред лицом его; куда дух хотел идти, туда и шли, во время шествия своего не оборачивались» (Иез. 1,12.). Последние слова имеют для нас особое значение: свет духа истекал одновременно в разные стороны.

Нечто подобное, на мой взгляд, происходит и с харизматической энергией. Она образует вокруг себя специфическое поле притяжения. В принципе у каждого человека есть свое психофизическое и эмоциональное пространство, в котором он чувствует себя хозяином. Однако у большинства энергетическая потенция так мала, что мы ее не ощущаем.

Волшебное очарование харизмой, по-видимому, определяется тем, что в ее энергетическом потоке мистическим образом объединяются сразу три ауры — эстетическая, этическая и эротическая. Получается своего рода трехслойный пирог, причем каждый слой сделан из разного теста, имеет неодинаковую толщину и ширину. К тому же слои постоянно меняются местами: то один сверху, то другой. Люди невольно тянутся к такому лакомству, надеясь отломить кусочек по своему вкусу и желанию. В итоге все их позы и надежды сублимируются в поклонении чужой харизме, порождая счастливое чувство персональной сопричастности к чему-то высшему и могущественному, к настоящему «сверхчеловеку». Даже отрицательное отношение к тому или иному харизматику свидетельствует о нашей психической связи с этой личностью.

В одних ситуациях первенство захватывает эстетическое восприятие, в других — эротические инстинкты, точнее их сублимация. Более высокую позицию занимает этическое сознание. Попробуем разобраться в этих структурах нашего духовного и эмоционального мира.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ АУРА

Эстетическое — в основном визуальное — восприятие обладает великой силой. Оно отражает чужую энергию в нашем ощущении и сознании. Иногда, и даже довольно часто, и отражать-то нечего: один мираж. Мираж в том смысле, что объект поклонения не обладает внутренней мощью. Она домысливается нами, оставаясь придуманным, но действенным призраком. Неслучайно немецкие философы Маркс и Энгельс вызвали из небытия «призрак коммунизма», чтобы с его помощью манипулировать массами.

Таким же привидением нередко выступает харизматик, пробуждающий в людях грезы о счастье. Народы видят в живом кумире пророка и пастыря, утверждающего нечто возвышенное и очищающее душу. Все в нем — внешний вид, красноречие, поза, жесты, темперамент — служит повышению его авторитета и привлекательности. Такой сильной аурой обладают, к примеру, бывший лидер Кубы Фидель Кастро, президент Венесуэлы Уго Чавес. Несколько иной выглядит аура экс-президента Чили Сальвадора Альенде (1970—1973). Горячие эмоции и незаурядная воля у него скрыты где-то внутри, они не столь театральны. Особый аристократический эстетизм был присущ аргентинскому революционеру Эрнесто Че Геваре, аргентинской актрисе и политике Эве Перон. Можно привести много разных примеров.

Любой харизме, как женщине, присуще страстное стремление к привлекательности. Ради внешнего чарующего образа женщина готова пойти на самые изощренные уловки: макияж, глубокое декольте, соблазнительное

подмигивание, обещания, эротические ужимки. Даже пластические операции. Все должно служить успеху. В общем харизма — это настоящая гламурная искуссительница.

Описанная выше нарцисстическая черта свойственна, конечно, и обладателям харизмы мужского пола. Они тоже любят наряжаться, носить дорогие платья и всем видом намекают на незаурядные мужские достоинства. Таким типам нравится мелькать на телеэкранах, напоказ обнажать свой торс, мчаться на мотоциклах, ласкать чужих детей и жен, играть в теннис и т.д.

Аналогичные усилия телесного эксгибиционизма предпринимает и лжехаризма, причем с еще большим усердием. Ей постоянно приходится маскировать свое ничтожество и моральное уродство. В этой связи я бы вспомнил имена следующих диктаторов: правившего в Никарагуа Анастасио Сомосу (1967—1972, 1974—1979), кубинца Фульхенсио Батисту (1940—1944, 1952—1959), экс-президента Чили Аугусто Пиночета (1974—1990). Вся их сила определялась властью, а не какими-либо внутренними превосходствами.

Имидж — вот кумир нашей эпохи. Нередко психологическая магия имиджа преодолевает все препятствия, проникая в самую глубь массового сознания. Без постоянной его подпитки любая харизма засыхает, как цветок без воды. Внешний облик лидера чаще всего выглядит лучше «нутра», но люди этого не ощущают, оценивая все сначала «по одежке». Прозрение и осознание того, что «король голый», приходят обычно с большим опозданием.

Древнегреческий философ Платон в трактате «Государство» отмечал, что нередко «видимость пересиливает даже истину и служит главным условием благополучия, для видимости надо отгородиться живописным изображением добродетели и под этим прикрытием протащить лисицу премудрого Архилоха, ловкую и изворотливую»⁴. Далее мыслитель поясняет: зачастую имидж «являет собой призрак чего-то иного, как бы прилепившись к сущности»⁵. Доверчивые люди легко попадают в сети этой липкой паутины. Умозаключение Платона помогает провести границу между харизмой и имиджем. Они могут в большей или меньшей степени соответствовать друг другу, но могут и не соответствовать. Вот почему, между прочим, вокруг одной реальной персоны обычно толкуются самые разные имиджи — и хорошие, и плохие.

Люди смотрят на харизматическую личность в соответствии с собственным или групповым восприятием: одни — с симпатией и уважением, другие — с отстраненным интересом, а иные — крайне враждебно. По всему миру широкое распространение получили всякого рода «школы» и группы по инструментальному формированию желаемого образа (image) того или иного политического деятеля, артиста, писателя, врача, даже церковного пастыря.

Работа по искусственному конструированию показной модели неординарной личности обычно именуется английским термином «имиджмейкинг» (image making), который буквально означает «создание образа». По сути такой прием рассчитан на приоритет внешней формы над содержанием. Подразумевается, что прекрасная форма автоматически превращается в прекрасное содержание. Вот почему дизайнеры подыскивают герою соответствующее платье, парикмахеры «организуют» подобающую прическу, педагоги научают ораторскому искусству. Другие специалисты приглашаются для преподавания аристократических манер, умения нравиться людям и вселять в них веру в свою исключительность.

Для творческого успеха политического имиджмейкинга полезно следовать рекомендациям одного из героев отечественного писателя М.Е.Сал-

тыкова-Щедрина: «Необходимо, чтобы администратор имел наружность благородную. Он должен быть не тучен и не скареден, роста быть не огромного и не излишне малого, должен сохранять пропорциональность в частях тела и лицо иметь чистое, не обезображенное ни бородавками, ни тем более злокачественными сыпями. Сверх того должен иметь мундир»⁶.

Имидж — это не сам человек, а только впечатление о нем. А оно начинается с бессознательного эстетического восприятия. Рациональная оценка приходит постепенно по ходу накопления опыта. Самый красивый и привлекательный тип может оказаться настоящим подлецом. Есть таковые и среди харизматиков.

«Внутри человека, — пишет знаменитый итальянский поэт Данте Алигьери в трактате «Пир», — могут быть изъяны и помехи двоякого рода: одни — со стороны тела, другие — со стороны души. Со стороны души — когда в ней преобладает зло»⁷. Вот это зло и призван прикрыть красивый внешний имидж. К сожалению, даже зло может выглядеть красивым. Недаром в Средневековье казнь грешника представляла собой целое театральное представление, которое затемняло суть смертоубийства.

На мой взгляд, подлинная красота и гармония, тем не менее, характерны только для истинной — светлой и гуманистической — харизмы. В этом заключается ее высшая эстетическая энергия.

ЭТИЧЕСКАЯ АУРА

Вот мы и приблизились к рассмотрению *внутреннего этического начала*, т.е. сущности харизмы. Без нравственного камертона вся человеческая жизнь теряет четкую ориентацию. Но что такое моральное сознание? Является ли оно, как утверждал немецкий философ Иммануил Кант, действительным «категорическим императивом»? Нуждается ли в нем харизма, или она стоит выше всякого долженствования? Ведь творческая энергия личности свободна? Это так, но только в рамках определенной морали. Можно как соблюдать ее императивы, так и нарушать их в свое удовольствие. Мораль — это не внешний закон, а состояние души.

Я исхожу из признания приоритета общих человеческих принципов нашего бытия (теперь их часто называют «общечеловеческими ценностями»). Такой подход противостоит марксистской концепции «классовой морали». История развивается не по канонам какого бы то ни было *долженствования*, но и без морали нет никакой истории. В равной мере это относится и к религии. Мораль и религия в своих истоках — это не сестры-близняшки, а их неслиянное энергичное единение. Смысл жизни приходит не извне, а от внутреннего духовного переживания. Ярким образцом высоконравственной ауры являются примеры кубинского мыслителя, поэта и политического деятеля Хосе Марти, экс-президента Мексики Ласаро Карденаса (1934—1940) и многих других выдающихся персон.

В настоящее время, как мне кажется, этическое начало отошло на второй план, уступив авансцену прагматическому интересу. Безнравственность пропитала собой все сферы общественной жизни, но особенно политику.

Если взглянуть на харизму с позиций морали, то следует, по моему мнению, разграничить три следующие энергии:

- чувства и ценности самого харизматика;
- нравственные требования к этой личности со стороны других людей;
- личное воздействие харизматика на общепризнанные нравы и обычаи, с одной стороны, и способность утверждать новые установки и ориентации.

С религиозной точки зрения харизма, как Божий дар, несет в себе положительное нравственное содержание. На практике, однако, она в большинстве случаев проявляет себя весьма и весьма безнравственно, а иногда — даже аморально. Проще говоря, земная прагматическая харизма обычно не соответствует своему небесному (мифологическому) первообразу.

Политический деятель обычно относится к проблемам морали достаточно инструментально. Что я имею в виду? А то, что он видит в морали определенное ограничение свободы своих действий и намерений, и поэтому склонен лишь паразитировать на нравственных постулатах, эксплуатировать их для собственного утверждения. Можно сказать, что мораль является последним убежищем для циничной и зловредной харизмы.

Харизма «светлая», напротив, видит в морали не средство, а цель и принцип своего существования. Использование моральных заклинаний ради оправдания зла — распространенный прием всякой политики. В этой связи вспоминается еще одно мудрое замечание Платона: «Крайняя степень несправедливости — это казаться справедливым, не будучи им на самом деле»⁸. Так и спекуляция моралью есть высшая форма аморализма.

Однако в истории было немало случаев, когда отрицание установившихся правил и привычек отнюдь не являлось аморальным деянием, а, напротив, оказывалось в высшей степени нравственным подвигом. В этой связи вспоминается рискованный и внешне еретический поступок немецкого теолога Мартина Лютера. 31 октября 1517 г. этот скромный священник открыто выступил против порочной практики индульгенций, разгула nepотизма (назначение на высшие должности родственников и друзей), моральной распущенности многих католических пастырей и даже против папства как института непогрешимости. Более того, Лютер осудил развратность и эгоизм папы Льва X. В Ватикане, конечно, посчитали, что это самый безобразный и еретический выпад, великий грех и позор. На деле же, как показала история, с этого отважного шага берет начало вся история протестантизма. Одним из его постулатов является вывод: «Все христиане — священники», и потому лучше каждому напрямую общаться с Богом без посредников в лице официальных клириков. Религиозная Реформация, начатая Лютером, развертывалась как протест против «порчи церкви» в ее «главе и членах».

Власть придержащие нередко обвиняют свободомыслие в аморализме, хотя на деле сами пребывают в болоте самого гнусного аморализма.

Подлинный переворот в сознании произошел, когда на арену общественного развития Европы выдвинулся самый энергичный и активный защитник «чистой» этики — Иммануил Кант. Именно он сформулировал высший принцип и идеал морально-духовного прогресса. Главная мысль великого философа звучит так: высшие императивы жизни делятся на гипотетические и категорические. Первые представляют практическую необходимость того или иного поступка как средство достижения чего-то желаемого. Категорический же императив представляет тот или иной поступок как объективно необходимый сам по себе, безотносительно к какой-либо иной цели⁹.

Такая «добрая воля сама по себе» без цели и расчета противопоказана политической харизме. Ее существование в большинстве случаев насквозь пронизано не абстрактным долженствованием, а насущным практическим интересом и более всего — «волей к власти» (термин знаменитого немецкого философа Фридриха Ницше). Противоречит сути такой харизмы и утверждение Канта о том, что «человек и вообще всякое разумное существо существуют как цели сами по себе, а не только как средства для приме-

нения со стороны той или иной воли. Во всех своих поступках, направленных как на самого себя, так и на другие разумные существа, человек всегда должен рассматриваться как цель»¹⁰.

Мудрое и чистое философствование вокруг проблемы морали для реальной харизмы неприемлемо, поскольку свою цель она видит именно в том, чтобы использовать людей как средство для своей личной (может быть, и групповой) пользы. Кстати, сам Кант был вынужден тут же признать, что «мы не постигаем практической безусловной необходимости морального императива, но мы постигаем его непостижимость».

Как удивительно это искреннее откровение напоминает церковную идею о непостижимости Бога. Как бы то ни было, негативно ориентированное харизматическое самосознание отрицает все и всякие императивы. На людей оно смотрит свысока и презрительно, принимая их за чернь и сброд, толпу несмышленных особей, которых для их же пользы следует силой вести к «счастью». В этом и состоит вся мораль сугубо инструментального и спекулятивного метода регулирования социальных отношений.

Теперь скажем несколько слов о морали «низов» в их отношении к харизматике. Здесь ситуация принципиально иная. Средний человек в силу своей наивности и политической «отсталости» ведет себя в обыденной жизни то нравственно, то безнравственно, то нейтрально, но, что касается отношения к монархам и светским харизматикам, то перед ними народы преклоняются и редко когда готовы к открытому непослушанию.

Таким образом, этическая аура харизмы противоречива, неоднородна и разнонаправлена. Впрочем, эти черты присущи всей нашей жизни. Просто в харизме эта закономерность выражена более отчетливо. Только и всего.

ЭРОТИЧЕСКАЯ АУРА

С самого начала замечу, что под эротикой я понимаю не секс, а одухотворенную и светлую природную чувственность. Соглашусь со следующим замечанием мудрого и сентиментального немецкого философа Людвиг Фейербаха, которого именно за это всячески честили Маркс и Энгельс. Фейербах писал: «Человек отличается от животного только тем, что он — живая превосходная степень сенсуализма, всечувственнейшее и всечувствительнейшее существо в мире»¹¹.

Чувственность разумного организма не сводится к физиологической практике сексуального общения, а одухотворяется эстетикой и этикой, религией и культурой. Только человек привносит в половой инстинкт надсексуальный смысл, фантазию, непредсказуемость. Без развитой психики и интеллекта эротическое воображение огрубляется.

Австрийский психолог, основоположник психоанализа Зигмунд Фрейд откровенно говорил о таких вещах, о которых говорить непринято. Он отдавал абсолютный приоритет силе естественного полового влечения (либидо), но признавал, что человек способен сублимировать его в сознательное и возвышенное воплощение в искусстве, музыке, науке, политике.

Русский философ В.В.Розанов пошел еще дальше и выдвинул тезис о преобразовании инстинкта в «одухотворенную любовь» к Богу и человеку. В соитии, по его словам, происходит не генитальный контакт, а слияние двух душ через слияние двух тел¹². Следует признать, что все в природе пронизано половой энергией, и человек как дитя природы в этом отношении не исключение.

К сожалению, чаще всего на эту сложную духовно-эмоциональную проблему смотрят вульгарно, путая понятия «пол», «либидо», «влечение»,

«соитие», «любовь», по невежеству даже нередко отождествляя их с грехом, распущенностью. Поэтому важно кое-что предварительно уточнить, но только применительно к харизматическому эротизму.

В мировой литературе огромное количество материалов посвящено проблемам пола, но почему-то никто из философов и корифеев психоанализа, не говоря уже о сонме всякого рода сексологов, не ставил вопрос об эротическом духе восхищения харизматическим кумиром. Это влечение в корне отличается от плотской тяги к лицу противоположного пола (или в случае нетрадиционной ориентации — склонности к гомосексуальным контактам). В известной степени влюбленность в харизматическую личность можно сравнить с чувством *agape*. В христианстве *агапе* мыслится как высшее выражение общения с Богом и братского единства в подражание тайной вечере Иисуса Христа. Это настроение создавало у множества уверовавших «одно сердце и одну душу» (Деян. 4,32). Такое чувство носит не столько рассудочный, сколько бессознательный характер. В политической жизни этот принцип исключает всякое сомнение в совершенстве любимого кумира. Более того, инстинктивно возникает тенденция не только к его обожанию, но даже к обожению. Возникает некое «смешение двух начал — небесного и земного, вечного и временного. Между двумя любящими третьим, высшим может быть только Бог»¹³. К этим словам Н.А.Бердяева я могу присоединиться.

Эротическая аура харизматика окрашивает в чувственные тона всю его натуру. Такое восприятие является не дополнительным элементом к эстетическому и этическому отношению, но имеет самостоятельную ценность и силу. Иногда эрос даже подавляет все иные флюиды, но чаще всего органично сочетается с ними. Примерами такого единства могут служить образы Фиделя Кастро, Эвы Перон, экс-президента США Джона Кеннеди (1961—1963), выдающегося политического деятеля Индии Индиры Ганди и др.

Более грубо выражено эротическое начало харизмы Уго Чавеса, бывшего лидера Панамы Омара Торрихоса (1969—1981), предводителя повстанцев во время Мексиканской революции 1910—1917 гг. Панчо Вильи и др. У каждого из нас есть свои герои, и потому любая классификация очень условна и субъективна. Мне хотелось просто обозначить наличие многообразия харизматических архетипов.

В особенный экстаз эротического состояния впадают чаще всего женщины. В страстном возбуждении они готовы отдать жизнь за своего кумира. Бегут за ним толпой, выкрикивая его имя и всячески демонстрируя преданность ему.

Мужской эротизм в этом случае менее экзальтирован, но пример вождя возвышает самолюбие и надежду на успех. Массовый психоз возникает почти внезапно, хотя обычно импульс ему придает небольшая группа лиц. Стоит однажды ощутить себя частицей массы, как теряешь свою автономию и подчиняешься общему стихийному настроению. Так происходит разрядка накопленной эротической энергии. Она подталкивает к коллективному возбуждению, сублимации либидо и его, так сказать, «коллективизации». Примером такого преобразования пассивной энергии в ее активную форму может служить популизм¹⁴. Для массы нужно направление. Она находится в движении к чему-то, к какой-то общей цели. Без нее всякая энергия рассеивается. Сила харизмы в том, что она способна направить стихийное чувство.

Отношения харизматика с массой в чем-то напоминают гражданский брак. Они никак не оформлены и не скреплены печатью. Обе стороны свободны. У каждого своя судьба. Их союз строится только на чувствах, а они

могут изменяться. Нередко вожди «бросают» массы, обманывают их и грешат тайным сотрудничеством с политическими оппонентами. Возникают и трагические ситуации, когда харизматики вдруг пересматривают свои взгляды и отходят от обещанного курса то вправо, то влево. Часто они выступают борцами за справедливость на этапе борьбы за власть, но в случае победы быстро переходят на реакционные и даже тоталитарные рельсы. Массы «остаются с носом» и вынуждены искать нового пастыря и защитника. Нередко сами массы разочаровываются в лидере. Он начинает раздражать их. Они теряют к нему доверие. В итоге популистско-харизматическое движение исчерпывает свои силы и сходит с арены. Для наивных масс гражданский брак основан на любви и доверии, для харизматика же это с самого начала брак по расчету. В жизни есть все — хорошее и плохое, рациональное и инстинктивное, но не все мы видим и можем объяснить.

Затейный мной разговор о трех аурах харизмы носит, конечно, сугубо постановочный и гипотетический характер. Удалось лишь наметить некоторые общие контуры этой сложной и интересной проблемы. При этом пришлось выйти за рамки традиционной политологии и затронуть поле духовного мира человека, его психологии, эмоций, гендерных отношений и др. Такой подход, как мне думается, лишь обогащает политическую науку и приближает ее к реальному объяснению феномена харизмы. Тема, на мой взгляд, имеет принципиальное значение и потому требует дальнейшей разработки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данная статья продолжает дискуссию, начатую мной в предыдущей работе. См.: «Латинская Америка», 2011, № 6.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. М., 1955, т. 3, с. 3.

³ Н.А. Бердяев. Философия свободного духа. М., 1994, с. 306.

⁴ Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. М., 1994, с. 125.

⁵ Там же, с. 455.

⁶ Е.М. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в 10 томах. Том 2. М., 1988, с. 34.

⁷ Д.А. Лигери. Собрание сочинений в двух томах. Том 2. Новая жизнь. Пир. О народном красноречии. Монархия. Стихотворения. М., 2001, с. 65.

⁸ Платон. Указ. соч., с. 120.

⁹ И.Кант. Собрание сочинений в 8 томах. Том 4. М., 1994, с. 187.

¹⁰ Там же, с. 204.

¹¹ Л.Фейербах. Избранные философские произведения. Том 1. М., 1955, с. 231.

¹² В.В. Розанов. Люди лунного света. Метафизика христианства. М., 1990, с. 33.

¹³ Н.А. Бердяев. О назначении человека. М., 1993, с. 206.

¹⁴ Подробнее см.: Б.И. Коваль. Эстетический портрет бразильского популизма. — Латинская Америка, 2010, № 10.